

**КОНСТАНТИН
КОНСТАНТИНОВИЧ
ФИЛИППОВ**

Работал на предприятии с 1961 по 1999 г. В 1982-1994 гг. – генеральный директор. Кандидат технических наук. Лауреат Государственной премии.

Заочно с Павлом Алексеевичем я познакомился в 1969 году. Завод «Пирометр» готовился к празднованию своего 40-летия. В архивных документах нашлись материалы о том, что в начале 30-х годов группа инженеров «Пирометра» проходила обучение в США. Среди них был П. А. Ефимов. При изучении материала о каждом из этой группы оказалось, что единственным живым к тому времени был только он. Остальные погибли в 1937 г. Позже несколько раз я пытался подробно расспросить Павла Алексеевича о том, как это было. Но об этом он не любил говорить. Единственно, что он говорил, что это Бог спас его. Якобы ночью ему приснилось, что голос предупредил, что ему необходимо уехать из Ленинграда. Через семь месяцев, когда он вернулся, репрессии прекратились, Ежова арестовали и, таким образом, он остался жив.

В одной из командировок в Москву, в министерстве, издалека мне показали необычного вида солидного мужчину с очень длинной импозантной прической и сказали, что это П. А. Ефимов. Потом несколько лет, несмотря на частые поездки, я его не встречал. Оказалось, что просто Павел Алексеевич изменил прическу.

В 1975 году по решению партруководства о присоединении завода «Пирометр» к ЛНПО «Электроавтоматика» мне пришлось участвовать в этом процессе. Павел Алексеевич всегда поддерживал завод и, по сути, утвержденная структура объединения была предложена «Пирометром».

Много разговоров, что Павел Алексеевич был непомерно жёсток и придирчив. Это в основном говорят люди, которые непосредственно с ним не работали. Я знаю некоторых сотрудников, которых Павел Алексеевич каждый вечер увольнял, а утром они спокойно работали. Он всегда и везде защищал своих сотрудников. Вот пример, произошедший со мной. В 1978-79 гг. «Пирометр» строил цех многослойных печатных плат. Оборудование цеха все импортное, и помогала его устанавливать и настраивать бригада из 8-9 французских специалистов. Однажды пришел начальник цеха (работы подходили к концу) с необычной просьбой. Французы хотят выпить спирту. Он получил добро, но с условием, что закажет в столовой закуску и посуду, на рынке купит овощей и фруктов и вечером отвезет гостей в гостиницу. Утром следующего дня у меня зазвонил смольнинский телефон. Громким голосом и в основном матом кто-то угрожал меня уничтожить, мол, я нарываюсь на международный скандал и веду себя, как не подобает советскому руководителю, и, кроме того, использую госимущество (оказалось, это кто-то из руководства КГБ). Пришлось объяснить, что, во-первых, лучше выпить организованно и не тайком, во-вторых, спирт я приобрел официально (разрешалось по согласию руководства это делать, но по цене водки) и, в-третьих, закуска предусмотрена сметой приема и смету мы не перерасходовали. Обозвав меня как только можно и пообещав разобраться со мной, КГБэшник бросил трубку. Вычислить, кто доложил, было очень просто, и я тут же у доносчика отобрал пропуск (это был работник ОКБ). Где-то около 13 часов в кабинет ворвался красный и заведенный Павел Алексеевич. В кабинете было много народу, все они мгновенно исчезли. Павел Алексеевич грохнулся на мое кресло и выдал полчасовую тираду.

– Что ты скажешь?

Я объяснил подробно, что говорил КГБ.

– А как ты посмел выгнать с завода работника КГБ? — кричал Павел Алексеевич.

– А откуда я знал, что она работница КГБ, и потом я ее не выгнал, у меня уже две недели лежит заявление работников завода и французов с просьбой заменить переводчицу. Вот оно, – сказал ему я и показал заявление. – А вот и квитанция, что спирт приобрел лично я.

Павел Алексеевич посмотрел бумажки и после долгого молчания сказал:

– Пойдем в цех.

Цех ему очень понравился, он даже сказал, что этот цех лучший в Союзе, а когда начальник цеха доложил, что через десять дней постарается цех сдать, Павел Алексеевич просиял (по графику цех должен вводиться через полгода).

– Пойдем к тебе в кабинет.

В кабинете Павел Алексеевич сказал:

– Отдай твои бумажки и никому никогда по этому вопросу без меня не отчитывайся.

Я не знаю, с кем говорил Павел Алексеевич, но ни министерство, ни парторганы, ни КГБ, ни сам Павел Алексеевич об этом инциденте не упоминали.

Долгое время мы с Павлом Алексеевичем жили в одном доме. После ухода на пенсию Павел Алексеевич часто заходил ко мне, спрашивал о фирме, переживал по поводу перестройки. Он был интересным собеседником, любил шутки и анекдоты. Любимый анекдот был о партпенсионерах (он его рассказывал несколько раз): «Партпенсионеры бывают трех типов: правдисты, садисты и баптисты. Правдисты читают «Правду», садисты сады сажают, а баптисты баб тискают». Из общения с ним я понял, что вся его трагедия последних лет – отсутствие сверстников, и поэтому ему не с кем было общаться на одном языке.

Павел Алексеевич был верующим человеком. Он всегда говорил о Боге и призывал верить в него. Он неоднократно приобщал меня к его вере (я понял, что это одна из ветвей христианства). Удивляло, что все молитвы в стихах и на современном русском языке.

Примечательно вступление Павла Алексеевича в партию. ОКБ «Электроавтоматика» не выполнило каких-то указаний и Павла Алексеевича вызвали на бюро райкома. Секретарем Кировского райкома был Г. В. Романов. Райком был возмущен делами в ОКБ, так что выступал один Г. В. Павел Алексеевич все пытался что-то возразить, но Г. В. кричал: «Садись!» И так несколько раз. Срочно проголосовали за исключение Павла Алексеевича из партии. Члены бюро райкома спешно разошлись. В зале остались Романов и Павел Алексеевич.